

УДК 322

**ИМПЕРСКИЕ ИДЕИ ИЛИ ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ:
КОММУНИЗМ И ЦЕРКОВЬ?**

Колупаев В.Е.

Советские и антисоветские идеологические штампы продолжают существовать во внешней и внутренней политике государств, образовавшихся в ходе развала СССР в 1991 году. Русофобию и поиск национальной идеи следует рассматривать в свете процессов, возникших как продолжение трансляции имперских идей. Советский период истории имел в этой связи свои особенности, которые продолжают оказывать влияние на современную российскую действительность.

Ключевые слова: СССР, Русская Православная Церковь, Сталин, Хрущев, политика на Ближнем Востоке.

**IMPERIAL IDEAS OR BYZANTINE HERITAGE:
COMMUNISM AND THE CHURCH?**

Kolupaev V.E.

Soviet and anti-Soviet ideological clichés continue living in foreign and domestic politics of the states formed during the collapse of the USSR in 1991. Russophobia, or Anti-Russian sentiment, and the search of a national idea should be considered in the light of the arising processes as the continuation of the broadcast of imperial ideas. Thereupon the Soviet period of the history had its own characteristics. It still has its influence even contemporary Russian reality.

Keywords: USSR, the Russian Orthodox Church, Stalin, Khrushchev, politics in the Middle East.

Распад Союза Советских Социалистических Республик, существовавшего с 1922 по 1991 гг., приведший к появлению на политической карте мира новых независимых государств в Восточной Европе и Центральной Азии, не завершил, по нашему мнению, период идеологического противостояния.

Советские и антисоветские штампы времен холодной войны продолжают направлять векторы политической реальности наших дней и задавать ход мысли, как журналистов, государственных функционеров и т.д., так и будоражить умы простых граждан. Советская идеология продолжает подпитывать ностальгические настроения и инфицировать общественный организм, пытающийся искать новые «национальные» идеи, причем не только в РФ. Антисоветские штампы, умноженные на культивируемую русофобию, как и другие этнофобии, в результате создают воспалительные процессы национализма в социальной и политической жизни новых псевдоэтнических государств.

Процесс трансляции имперских идей, вместе с православием, византийским и священно-римским наследием, через Киевскую Русь, развившись в Московском государстве, переходит к монархам Санкт-Петербурга. Рассмотрению этого процесса была посвящена статья «Трансляция имперских идей в российской идеологии и геополитике (к 1700-летию Миланского эдикта)» [1]. После краха империи в 1917 г., русские увидели Царьград, цель устремлений своей восточной геополитики, но, увы, как беженцы. Они прибыли сюда в ноябре 1920 г. после эвакуации из Крыма армии под командованием генерал-лейтенанта барона Петра Николаевича Врангеля (1878-1928). Константинополь в то время был оккупирован державами Антанты (Entente). Первая мировая война положила конец четырем империям. Политические кризисы, порожденные этой войной, привели к следующим результатам.

В России, в результате Февральской и Октябрьской революций 1917 г. произошла территориальная дезинтеграция, провозглашена Республика, далее в ходе Гражданской войны 1918-1921 гг. завершился общий крах государственности. На территории бывшей Российской империи образовалось до 80 государств, большая часть которых прекратила существование к 1924 г. Первоначально правопреемницей империи стала с 01.9.1917 по 10.7.1918 Российская республика. Отречение последнего императора Николая II от

престола 02.3.1917 автоматически расторгло личную унию с Великим княжеством Финляндским, другие прибалтийские земли, будучи под немецкой оккупацией прошли свой путь государственного становления. Временное правительство России 17.3.1917 признало право Польши на независимость. В 1922 г. возник Союз Советских Социалистических республик (СССР).

В Германии произошла Ноябрьская революция (Novemberrevolution) 1918 г. приведшая к установлению парламентской демократии Веймарской республики (Weimarer Republik) в 1919-1934 гг. В урезанной территориально и экономически ослабленной Германии, включая перенесенное ею национальное унижение, родились реваншистские настроения, которые стали одной из предпосылок прихода к власти нацистов и начала Второй мировой войны (1939-1945).

В Австро-Венгрии (Österreich-Ungarn) в 1918 г. Карл I (1887-1922) был свергнут с престола и на территории бывшей империи возникло несколько унитарных этнократических государств, остальные территории вошли в состав соседних стран Румынии, Югославии и Италии.

В Турции с нарастанием национально-освободительного движения под руководством Мустафы Кемала Ататюрка (Mustafa Kemal Atatürk, 1881-1938) в 1922 г. прекращается существование Османской империи.

С этого момента тень византийских идей и константиновского наследия продолжила строить миражи в пространстве Русского Зарубежья, одним из носителей этого стала Русская Православная Церковь за границей (РПЦЗ). Живы они и сейчас.

Идеологи СССР в первые десятилетия своего существования опирались на космополитизм, идеи коммунистического интернационализма и отрицание исторических связей с прошлым русского мира. Однако события Второй мировой войны, в которой сошлись в противоречии, с одной стороны, интересы германского национал-социализма, облеченные в формы рестартированных имперских идей, воплощенных в Третьем Рейхе (Drittes Reich), начавшем свое существование с 1934 г. и с другой стороны, интересы марксистско-ленинского

социализма, подтолкнули советское руководство к использованию старых византийско-православных тенденций, как одного из инструментов своей внутренней и внешней политики. Интересная тема для ученых славистов и руссологов, которая еще ждет своего раскрытия – это филологический анализ лексикона и официальных текстов Иосифа Виссарионовича Сталина (Джугашвили, 1878-1953). Сталин, будучи человеком знакомым с церковной традицией, умело использовал принципы гомилетики, церковнославянизмы, т.н. высокий литературный стиль в своих письменных и устных выступлениях. Создавая в 1943 г. Московскую патриархию, он одобрил предложенный для Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского, 1867-1944) современный титул: «Святейший Патриарх Московский и всея Руси». Так в советское время сакральная фигура Патриарха, используемая в интересах кремлевской политики, облачается в новое терминологическое титулование. Начиная с Патриарха Иова (1589) использовался титул «Святейший Патриарх царствующаго града Москвы и Великого Российского царствия». Патриарх Тихон (1865-1925), к примеру, титуловался «Всероссийским». Титул «Святейший» не признается за Московскими Патриархами древними восточными Патриархатами и, прежде всего, Константинополем, где используется применительно к Московскому Патриарху титул Блаженнейший (Μακαριότης) – как и в отношении прочих Патриархов.

Не случайно в сталинский период в искусстве, кинематографе и литературе возникают сюжеты, проводящие параллели между генералиссимусом, руководителем партии и правительства Иосифом Сталиным и выдающимися историческими личностями. По мнению доктора Бориса Семеновича Илизарова, ведущего сотрудника Института Российской истории РАН и автора монографии «Тайная жизнь Сталина» [2], Иосиф Виссарионович «оказал большое влияние на российскую историографию: в среде историков до сих пор бытуют теории, которые советский руководитель навязал или которые значительно изменил. Особенно сильно Сталин повлиял на формирование

образов... Петра I, Тамерлана, Чингисхана, Цезаря. В этом ряду известных исторических личностей фигура Ивана Грозного занимает особое место» [3]. Одним из примеров может быть назван фильм Сергея Михайловича Эйзенштейна (1898-1948), заказанный Кремлем в 1941 г. и удостоенный Сталинской премии.

Древние восточные Патриархаты – реликтовые осколки на константиновской археологии Востока, также не остались без внимания, им оказывалась финансовая помощь, дипломатическая опека и торжественные приемы на высшем уровне. В 1946 г. был создан Отдел внешних церковных сношений со своими заграничными учреждениями, также финансируемый отдельной статьей из бюджета Министерства иностранных дел СССР. Так Вселенское Православие было включено в орбиту советской внешней политики. Сталинская система, где РПЦ МП отводилась роль консолидирующего центра православных народов Европы, включала также интересы на Ближнем Востоке и в диаспоре, имела целью быть проводником государственных идей. Первый удар по ней нанес Н.С. Хрущев (1894-1971), при котором в середине 1950-х годов советская политика на Ближнем Востоке была переориентирована на исламский мир, но использование РПЦ МП в рамках советской системы борьбы за мир приобрела новую высоту. Усилилась коррумпированность епископата на фоне государственных льгот и бесконтрольного деспотизма с одной стороны и тотальная дискриминация религии и нарушение прав верующих – с другой.

Византийское константиновское наследие и национал-имперские тенденции в современной российской идеологии также активно используются при современном поиске «национальной идеи», чему служит пример современных церковно-государственных отношений. Традиционные формы, соответствующие тысячелетней истории российской цивилизации, украшенные церковными одеждами и формами, претендующие на доверие населения, подводятся под подстройку общественных идей, которые должны быть, с одной стороны, социально-консервативными и тяготеть к привычному

мировоззрению, а с другой стороны, отвечать гуманистической ориентации на общественные запросы экономической, социальной и политической справедливости. РПЦ МП, таким образом, оказывается, юридически поддерживаемой государством единственной абсолютной централизованной системой, которая претендует давать рецепты для будущего России. Однако, справедливости ради, следует признать, что, несмотря на заданный вектор исторического развития, другие тенденции релятивизма, глобализации, секуляризма и т.д., оказываются намного сильнее. И если, как писал Лев Тихомиров (1852-1923): «Государственная идея Константина Великого состояла в том, чтобы сочетать Римскую империю с новым историческим фактором – христианством» [4, с. 137], то сейчас вызов времени состоит в том, как сочетать правительственные механизмы с нравственными основами христианского общества, социальной справедливостью и правами личности.

Тем не менее, изучение феномена константиновского наследия заслуживет внимания для понимания процессов в евразийском географическом и историко-культурном пространстве, именуемом Россией. Траектория традиции, при оценке ситуации, когда травматически происходит накладывание пластов, формирующих новую российскую нацию, возникающую из руин СССР, как некогда СССР возник на руинах Российской империи, продолжает процесс моделирования идеологий. Вспомним, например, что пангерманская идеология стала прототипом для панславизма (славянофильства) и позже для пантюркизма. Вспомним также то, что фактор крови для Российской империи был незначительным, идентификация шла по религиозной принадлежности, отсюда становится понятным актуальность оценки исторической пирамиды представлений о личности Константина Великого для панправославных идей и роли в этом Москвы и национал-патриотических фобий.

В России, как стране евроазиатской, наряду с православием, традиционной религией на государственном уровне признается также ислам, ее геополитический горизонт обладает богатой радугой для смены идей и

парадигмов общественного сознания. Вот почему роль истории в освящении креугольных камней и паралелей для обоснования климата власти возрастает. Здесь константиновский спектр и связанные с ним ассоциации, при оценке процессов трансляции власти и динамики политических переходов и связанных с этим идей, заслуживает глубокого изучения.

Список литературы:

1. Колупаев В.Е. Трансляция имперских идей в российской идеологии и геополитике (к 1700-летию Миланского эдикта) [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2013. № 2. URL: <http://st-hum.ru/node/73> (дата обращения: 01.02.2014).

2. Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина: Портрет на фоне его библиотеки и архива. М.: Вече, 2002. 480 с.

3. Минеева Ю. Сталин пытался сделать из Ивана Грозного героя России [Электронный ресурс] // Infox.Ru [сайт]. 30.06.2010. URL: <https://goo.su/9TMv> (дата обращения: 01.02.2014).

4. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат»; ТОО «Алир», 1998. 672 с.

Сведения об авторе:

Колупаев Владимир Евгеньевич – доктор исторических наук, исследователь центра «Russia Cristiana», член научного комитета и итальянской редакции журнала «La Nuova Europa» (Сериате, Италия).

Data about the author:

Kolupaev Vladimir Yevgen'yevich – Doctor of Historical Sciences, researcher of the Centre “Russia Cristiana”, member of the Scientific Committee and the Italian edition of the magazine “La Nuova Europa” (Seriata, Italy).

E-mail: rostkol@gmail.com.